

Р.М.Хин

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Р.М.Хин Р.М.ХИН

Я мысленно вхожу в ваш кабинет:
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера;
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой Сатир – Верлен,
Кузнец – Бальзак, чеканщики – Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спит в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... Но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка
(К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший нам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движение, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Староженки
Седая голова меж низких плеч.
Все, что теперь забыто иль в загоне, –
Весь тайный цвет Европы иль Москвы –
Вокруг себя объединяли вы:
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... Гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали –
Рука невольно ищет карандаш,

А мысль плывет в померкнувшие дали...
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве слов, в изгибах интонаций
Мерцают отсветы бесед, событий, лиц...
Угасшие огни былых иллюминаций...

22 декабря 1913 г., Коктебель.

• **Стенькин суд**

Н.Н.Кедрову

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полуношных стран.
Все ль как прежде сияет – несглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечки, да сальные
В них вместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Все ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь –
Гребенская, Донская да Терская
Собиралась ватажить сарынь.
Да на первом на струге, на «Соколе»,
С любовницей – пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.
Да как кликнешь сподрушных – приспешников:

«Васька Ус, Шелудяк да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян.
Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
И за все, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.
Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по-царски уважили пыткой:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу – не помилую, –
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому – всяк.
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.

И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь –
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Мы устроим в стране благолелье вам, –
Как, восставши из мертвых с мечом, –
Три угодника – с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.

22 декабря 1917 г., Коктебель. Goşgular